

О переводах романа Теккерея "Vanity Fair" в "Отечественных записках" и "Современнике"

Русские писатели о переводе: XVIII-XX вв. Под ред. Ю. Д. Левина и А. Ф. Федорова.

Л., "Советский писатель", 1960.

[OCR Бычков М. Н.](#)

И. И. Введенский -- переводчик, литератор и педагог. В 1840-х годах вокруг него группировался кружок петербургской интеллигенции, идейно близкой петрашевцам.

Переводческая деятельность Введенского развернулась в основном в конце 1840-х -- начале 1850-х годов, когда он перевел романы "Домби и сын" (1847--1848), "Замогильные записки Пикквикского клуба" (1849--1850), "Давид Копперфильд" (1851) Диккенса, "Дирслейер" ("Зверобой") Купера (1848), "Дженни Эйр" Шарлотты Бронте (1849), "Базар житейской суеты" Теккерея (1850), "Опекун" Нортон (1852) и "Манон Леско" Прево (не опубликован).

Переводы Введенского блестяще воспроизводили стиль подлинника, его интонацию и ритм. Несмотря на критику со стороны современных ему журналов, а также последующих переводчиков Диккенса (Ранцова и др.), переводы Введенского пользовались огромной популярностью у читателей и переиздавались вплоть до революции. Диккенс приобрел широкую известность в России главным образом благодаря переводам Введенского. Однако вольное обращение переводчика с подлинником, многочисленные добавления и русизмы, которые он вводил в произведения иностранных авторов, делают его переводы устаревшими в наше время.

Свои переводческие принципы Введенский изложил в статье, написанной в форме письма к редактору "Отечественных записок" (1851).

Заслугой Введенского явилась также правильная оценка литературной, в том числе и переводческой, деятельности Тредиаковского.

В восьмой книжке "Современника" на нынешний год, в отделе библиографии, я прочел, не без некоторого изумления, довольно длинную статью, направленную против моего перевода Теккерея романа "Базар житейской суеты".¹ Статья эта, написанная под влиянием чувства, проникнутого в высшей степени *studio et ira*, {<страстью и гневом (лат.)>} не может заслуживать серьезного внимания со стороны ученой критики, руководствующейся исключительно принципом истины и строгих логических оснований; однако ж, не имея никакого права пренебрегать мнениями журнала, называющего себя по преимуществу *литературным*, я считаю обязанностью отвечать на эту статью, как потому, что в ней идет речь о вопросах, тесно связанных с моими занятиями, так и потому, что "Современник" на этот раз делает меня орудием своих неоднократно повторенных замечаний, касающихся "Отечественных записок", которых за честь себе поставляю быть сотрудником.

Было время, когда "Современник" отзывался с весьма лестною благосклонностью о моих переводах. Это время совпадает с той эпохой, когда я сообщал свои переводы в "литературный журнал". Тогда "Современник" с некоторою гордостью противопоставлял мои труды таким же трудам в других журналах, и преимущественно нравился ему мой перевод Диккенсова романа "Домби и сын", который печатался на его страницах в 1847 и 1848 годах. Многие лестные названия "литературный журнал" придавал этому переводу и однажды даже назвал его *изящным*, когда, в конце 1848 года, речь шла о подписке на "литературный журнал". Благосклонность ко мне "Современника" еще продолжалась несколько времени и в 1849 году, когда я окончательно сделался сотрудником другого журнала <"Отечественные записки">... Но с половины прошлого года "литературный журнал" вдруг изменил свое мнение о моих трудах. Исключительною причиной такой быстрой перемены послужило то обстоятельство, что я начал печатать в "Отечественных записках" "Базар житейской суеты", роман, к переводу которого приступил потом и "Современник". Помнится, какое-то периодическое издание ("Пантеон", если не ошибаюсь) намекнуло "Современнику", что он напрасно вздумал печатать "Ярмарку тщеславия", когда тот же роман, с удовлетворительною отчетливостью, переводится в другом журнале под именем "Базара". "Литературный журнал", желая оправдать перед читателями бесполезное появление